

Это заставляет сделать вывод, что остальные четыре дня недели отвоёвывались для «законной» торговли солью в самой Тулузе.

Не может быть сомнения — во всем этом какую-то определенную роль играли интересы уже рождавшегося города, его населения, которому соль, просеянная через густое сито карамановских пошлин, доставалась втридорога. Туманный намек на тулузских горожан можно уловить в словах грамоты о том, что отказ Доната Карамана от «дурных поборов» видели архиепископы, епископы и аббаты, «другие же люди слышали»²⁵. Необычайное стечение в Тулузу высших церковных иерархов Западного Лангедока для разрешения «соляного вопроса» едва ли могло произойти если не без участия, то, во всяком случае без стечения самого тулузского населения.

Но вместе с тем из грамоты явствует, что отнюдь не горожане играли во всем этом главную роль и не о них пеклись могущественные прелаты.

В самом деле, очень скоро, во всяком случае не позднее 1010 г., Донат Караман был вынужден вообще отказаться от базьежского соляного рынка, передав все свои права на него Сен-Серненскому монастырю²⁶. Правда, как можно понять из грамоты, это дарение было в действительности продажей, и Сен-Сернену, по всей видимости, пришлось выложить за него немалую сумму, но, так или иначе, с этого времени базьежский соляной рынок, этот источник обильнейших доходов, попал в цепкие лапы Сен-Серненского приорства (затем сделавшегося аббатством), именно в эту пору начавшего входить в большую силу. Только этот монастырь обладал теперь правом разрешать торг и взимать пошлины на всей дороге от Эстапа до Тулузы²⁷. И Сен-Сернен начал энергично устранять с рынка тех, кто успел уже пристроиться к нему как к выгодному объекту эксплуатации. Прежде всего были ограничены аппетиты вышеупомянутого местного сеньора Урика Аурюза, который под предлогом потрав захватывал «готских» ослов и заставлял владельцев выкупать их за соль.

Очевидно, и этот добычливый сеньор занимался торговлей солью, если, даже ограничив соляные доходы Урика только двумя юнктатами в большие рыночные дни, соглашение между ним и Сен-Серненом предоставляло первому право иметь на рынке двух *francales* — своих сеньориальных купцов, освобожденных от уплаты рыночных пошлин. Самая же оговорка о том, что этим освобождением они будут пользоваться лишь постольку, поскольку будут продавать только свои товары (т. е. товары, принадлежавшие сеньору, а не перекупные) и покупать лишь то, что необходимо для его (сеньора) собственного потребления²⁸, — красноречиво свидетельствует о том, насколько активно этот

²⁵ «Et hoc fecit, videntibus archiepiscopis, episcopis et abbatibus, aliis viris audientibus». — Ibidem. Надо думать, что в числе этих «других людей» были и светские сеньоры — вассалы графа, но едва ли только они: решался вопрос, слишком остро затрагивавший интересы возрождавшегося города.

²⁶ Cart S-Sernin, № 134.

²⁷ Ibidem.

²⁸ «... si suum proprium venderent, vel de suo proprio habere compararent aliquid» (ibidem).